

Чжун И с раздражением посмотрел на него:

— На кого ты смотришь свысока? Я тебе говорю, я до сих пор помню, как ты дважды расстегнул мои пуговицы. Разве мне тут нужно искать кого-то другого для обучения? Я просто хотел, чтобы наш учитель Чжан немного прочувствовал ситуацию. Чжан Лео уже повис на тебе, а ты, как старший брат, тоже собираешься повиснуть на мне?

Слова были сказаны предельно ясно.

На самом деле, как только они оказались в постели, Чжан Синчжи уже сказал, что, похоже, Лео стоит у двери.

Чжун И не поверил, пока не оказался в ванной, смывая тональный крем, а Чжан Синчжи показал ему на телефоне трансляцию с камеры наблюдения у входа.

Действительно, на ступеньках сидел кто-то. По комплекции и черной майке это на все сто процентов был маленький Чжан Лео.

Чжун И вспомнил их поведение по дороге от гаража до двери и ничего не сказал:

— Он так поздно пришел к тебе, разве не предупредил заранее?

Чжан Синчжи, глядя на экран, где ребенок сидел неподвижно, словно на паузе, покачал головой.

Чжун И бросил на него взгляд, не спрашивая, как он обнаружил присутствие человека, и только упрекнул:

— Ты знал, что он здесь, и все равно вел себя так?

Чжан Синчжи свернул приложение и посмотрел на него:

— Как так?

Чжун И тоже посмотрел на него:

— Трогал меня, говорил всякие вещи.

Почти сразу в глазах Чжан Синчжи появилась улыбка. Глядя на отражение в зеркале, он произнес отчетливо:

— «Я и правда не ожидал, что однажды кто-то попытается заставить меня соблюдать моральные нормы». Это ты сказал, учитель Чжун?

Не просто сказал, а слово в слово.

Чжун И сначала замер, потом быстро покачал головой и рассмеялся, заявив с полным правом:

— Я сказал. И что? Двойные стандарты нельзя?

Чжан Синчжи не ответил, можно ли или нельзя, а только спросил, удалил ли он уже консилер.

Позже Лео написал Чжан Синчжи сообщение с вопросом, услышал ли он его слова. С момента их входа прошло полчаса, а Чжан Синчжи увидел сообщение только спустя десять минут.

— Ты написал ему «услышал»? Он тебе ответил? — Чжун И, обняв подушку, смотрел на него.

Чжан Синчжи покачал головой.

— Неужели он все еще сидит внизу? — Чжун И немного беспокоился за Чжан Лео, этого упрямца. — Если он сегодня действительно просидит там всю ночь, это будет полностью твоя ответственность, учитель Чжан.

Чжан Синчжи:

— А?

— Хотя это не доходит до уровня Лян Сыли и Цзи Хаочуаня, но Чжан Лео в некоторых аспектах — твоя точная копия. Если бы не разница в возрасте, я бы давно усомнился в том, какие именно отношения связывают Чжан Лео и Чжан Синчжи.

Уловив намек в словах Чжун И, Чжан Синчжи снова достал телефон:

— Это нехорошая привычка. Хуже от этого не будет.

Сказав это, он показал экран телефона Чжун И:

— Он уже ушел.

На экране была видна его пустая входная дверь.

Чжан Синчжи с самого начала оставался непоколебимым, не проявляя ни капли жалости к Лео, и только заметил:

— Ему давно пора посмотреть на других.

В тот момент Чжун И вдруг понял, откуда у этого мужчины такая уверенность в себе.

Словно он говорил ему: «Видишь, учитель Чжун? Вот как это бывает, когда совсем не любишь человека».

Чжун И:

— Какой жестокий.

Он сам толком не понимал, почему сейчас чувствовал такую нежность внутри. Обняв подушку, он вздохнул и покачал головой:

— Кто бы мог подумать? Учитель Чжан, когда берется за дело, оказывается жестче меня.

Если не ошибается, это уже второй раз, когда Чжун И называет Чжан Синчжи жестоким.

Тогда он не шутил, говоря, что Чжан Синчжи особенно строг с Чжан Лео. Но тот факт, что Чжан Синчжи мог быть так жесток, лишь доказывал, насколько близки их отношения.

.

В такси Цзи Хаочуань смотрел на молчаливого человека рядом и не знал, как начать разговор.

За всю свою жизнь он никогда особо не церемонился с людьми, не то чтобы утешал их. Десять

минут назад он вытащил его от двери его брата, сказав: «Чего раскис? Пошли жрать шашлыки». Это был его предел.

В машине царил мертвая тишина. Даже болтливый таксист почувствовал неладное и только в конце, высаживая их, сказал:

— Идите по этой задней улице до самого конца, там будет ближайший шашлычный к виллам, вкусный. Я туда не проеду, так что высаживаю вас здесь.

— Спасибо, мастер. Цзи Хаочуань быстро расплатился и потащил Лео в переулок.

На самом деле, это был первый раз, когда Цзи Хаочуань попал в такое место. Точнее, он никогда не видел ночного рынка, который так оживал после полуночи. На разбросанных лотках сидели люди, вывески магазинов мигали красными и зелеными огнями, даже тележки с едой были украшены фонариками.

Цзи Хаочуань, таща за собой Лео, озирался по сторонам, как деревенский парень, впервые попавший в город, совершенно не обращая внимания на то, что его новые белые кроссовки царапаются обо что попало. Его восторг даже заставил угрюмого Лео улыбнуться, и он наконец произнес первую фразу с момента их встречи:

— Ты никогда раньше не бывал на ночном рынке?

— Нет, правда не видел. Хотя Цзи Хаочуань был незаконнорожденным сыном, которого не признавала семья, даже в его обрывочных воспоминаниях мама в детстве относилась к нему неплохо, а после того, как он нашел Лян Сыли, в материальном плане недостатка не было.

Такое зрелище можно было увидеть только в уездном городе Цюань. В больших городах, таких как Ган, это было бы невозможно — мэрия моментально бы всё прибрала.

Лео скривился:

— Мой брат часто водил меня на такие рынки.

Для уезда Юнь такие ночные рынки устраивались только по праздникам, и брат, боясь, что ему станет скучно, почти всегда брал его с собой.

Цзи Хаочуань и подумать не мог, что его простое любопытство заденет Лео за живое. Он уже собирался незаметно сменить тему, как услышал тихий голос:

— Сегодня вечером просто послушай меня, расскажу о брате. У меня редко есть возможность поговорить об этом с кем-то другим.

Цзи Хаочуань облизнул губы, подавил мгновенную досаду и сразу согласился.

Он считал, что просто проявляет дружескую солидарность. Видя, как его друг страдает, он тоже страдал. К тому же этот нытик сегодня вечером даже не показал своих обычных глаз, полных слез.

— Но мне правда всегда было интересно... он точно не родной брат? — Цзи Хаочуань никогда не видел Чжан Синчжи, но чувствовал, что Чжан Лео, должно быть, был воспитан им, в основном из-за одинаковой фамилии.

Лео уныло посмотрел на него:

— Разве я бы мог влюбиться в родного брата? У нас с братом нет кровного родства.

— Просто... совпадение? — Цзи Хаочуань не совсем верил. Как можно быть настолько близкими без крови?

— Просто совпадение.

— Но ты всегда говоришь, что носишь его фамилию.

— Это с детства...

Привычка говорить, что он носит фамилию Чжан Синчжи, осталась у Лео с детства. Ему было всего восемь лет, когда он впервые приехал в Китай, а точнее в уезд Юнь, и он почти не знал китайского.

Цзи Хаочуань опешил:

— Ты иностранец???

Он думал, что Лео просто от природы смуглый. Как же так, получается, в нем есть иностранная кровь?

— Нет... я китаец! Дай мне договорить! — Лео залпом выпил целый стакан пива, недовольно добавив. — Я просто вырос за границей. Мои родители — китайцы, у папы четверть тибетской крови, поэтому я немного смуглый...

— А, но имя у тебя тоже странное. Китайцы так не называют.

— Имя потому что... Ага, мои родители были экстремальными фотографами. А имя появилось потому, что когда мама была беременна мной, они этого не заметили и снова отправились в горы. Потом один иностранец из их группы заметил, что мама в положении, остановил их и таким образом спас меня. Иначе в горных условиях беременная женщина наверняка бы пострадала...

Цзи Хаочуань почти сразу догадался, подумав, что это сюжет для теленовеллы:

— И этого иностранца звали Лео, поэтому твои родители назвали тебя «Лео»?

<http://bllate.org/book/16822/1546639>